

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В.М. Розин

Институт философии РАН,
Москва

iph@iph.ras.ru

В статье рассматривается эволюция отечественной методологической мысли. Речь идет о философской школе, получившей название Московский методологический кружок. Анализируется переход от изучения мышления на первом этапе к конституированию мышления – на втором. Для первого этапа была характерна семиотическая и историческая трактовка мышления. На втором этапе ставится задача построения теории деятельности. Мышление здесь трактуется как вид деятельности, получает название «методологическое мышление». Источником знаний о мышлении выступает не его изучение, а изучение творчества самих методологов. Анализируются особенности методологического мышления и новой методологической практики. В качестве предельной онтологии рассматривается методологическое мышление. Ставится задача реформирования неудовлетворительных форм мышления. Формулируются ряд принципов методологического подхода: опора на творчество методологов, контроль за правильностью методологической мысли, связь методологии с философией, освоение интеллектуальных технологий, различение частной и общей методологии. В рамках новой методологической практики складываются нескольких самостоятельных направлений методологии и обозначается кризис методологической мысли. Обсуждаются подходы к его разрешению: новые вызовы времени, на которые должна ответить методология, необходимость разных вариантов «предельной онтологии», поддержание культуры методологического мышления, лучшее понимание истории методологии.

Ключевые слова: мышление, деятельность, методология, творчество, история, культура.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-39-50

Наблюдения показывают, что значение методологии в течение всего XX столетия постоянно возрастало. Все больше усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. В результате для эффективной мыслительной работы мышление приходится планировать и программировать, а это одна из важнейших функций методологии. В свою очередь, усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора той или иной познавательной, более ши-

роко мыслительной стратегии. В настоящее время, по сути, каждая серьезная интеллектуальная задача для своего решения предполагает методологическую работу: проблематизацию, выбор средств и стратегий решения, методологический контроль и рефлексии, обсуждение неудач и проблем, возникающих при реализации методологических предложений, и прочее.

Каков был исходный замысел методологии? В «Великом восстановлении наук» Бэкон утверждает, что руководящей наукой является «наука о мышлении», но само

мышление предварительно должно быть подвергнуто сомнению и «новому суду» [1, с. 76, 293]. «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы <...> Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная от первых восприятий чувств <...> но, прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума <...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только *справедливое и законное принижение человеческого духа*» [1, с. 68–69].

Отметим два момента. Во-первых, начиная с эпохи Возрождения, когда элиминируется непосредственное участие Творца в управлении мышлением человека, возникает сложная проблема понять, как, «стоя в мышлении, не выходя из него, управлять мышлением». Во-вторых, законное принижение человеческого духа Бэкон, вероятно, понимает именно в ключе управления. Как иначе можно понимать термины «направить», «обезопасить», «принижение»?

Но окультурное, законно приниженное, «стесненное искусством» мышление Бэкон понимает еще одним образом: такое мышление подчинено новой логике, ориентированной на создание инженерии, и очищено критикой, позволяющей усвоить новые представления. Последнее требование – естественное условие развития мышления: чтобы мыслить по-новому, необходимо было преодолеть

традиционное мышление и представления. Новая логика вкупе с критикой традиционного разума и есть, по Бэкону, то искусство, которое превращает «предоставленный сам себе разум» в мышление, которым человек может руководствоваться [1, с. 74–76].

В своей программе Бэкон фактически формулирует две разные задачи: создать «науку о мышлении», позволяющую описывать методы, и, используя эти методы, построить новые науки. Если вторую задачу начинает решать сам Бэкон, а потом ее, но иначе, продолжает Декарт и за ним многие другие философы и ученые, то первая задача вплоть до XX столетия так и не была решена. Дело в том, что методы исследования мышления стали обсуждаться и разрабатываться только во второй половине прошлого столетия. В начале 60-х годов создатель самой крупной российской школы методологии Московского методологического кружка (ММК – так он был назван позднее) Г.П. Щедровицкий, критикуя традиционную логику и противопоставляя ей содержательную логику как программу исследования мышления, пишет: «Одной из важнейших особенностей содержательной логики является то, что она выступает как эмпирическая наука, направленная на исследование мышления как составной части человеческой деятельности» [9, с. 37, 39, 40]. Но еще раньше в работе «“Языковое мышление” и его анализ» (1957) Г. Щедровицкий обсуждает методы исследования мышления. Однако можно заметить, что для того чтобы приступить к исследованию мышления в духе естествознания (а именно так вначале и считали), мышление в практическом отношении должно рассматриваться как противопоставленное познающему субъ-

екту, как потенциальный объект практического действия.

Потребовалась революция мысли, произведенная К. Марксом, чтобы выйти на другое понимание сначала бытия («Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая и феербаховский, заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»), а затем, но значительно позднее, и мышления. Маркс утверждает, что мир – это продукт культурно-исторического процесса и общественной практики людей и что главная задача – не объяснить мир, а его переделать. За этими тезисами Маркса стоят и новая революционная практика, и новые социально-инженерные (технологические) способы мышления.

Важной предпосылкой методологии можно считать и влияние технологического мироощущения; последнее облегчило намеченное уже Марксом истолкование мышления как деятельности и как объекта преобразования. В тридцатые годы XX столетия Л.С. Выготский в работе «Мышление и речь» рассматривает мышление человека не только как естественный феномен, но и творимый самим человеком, который «овладевает» течением собственных психических процессов и «направляет» их на решение стоящих перед ним задач.

Для Щедровицкого возможность не только организовывать, но и управлять мышлением кажется само собой очевидным. «Это, пишет он, очень важный и принципиальный момент в понимании характера методологии: продукты и результаты методологической работы в своей основе – это не знания, проверяемые на истин-

ность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от слишком узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности и начинаем рассматривать наряду с познавательной деятельностью также инженерную, практическую и организационно-управленческую деятельности, которые ни в коем случае не могут быть сведены к получению знаний. И естественно, что методология как новая форма организации мышления и деятельности должна охватить и снять все названные типы мыследеятельности» [10, с. 96].

Если вернуться к программе Бэкона, то можно спросить, кто же должен «направлять мысль», осуществлять «справедливое и законное принижение человеческого духа»? Бэкон, а вслед за ним и многие другие крупные философы (один из последних – Хайдеггер, см. его статью «Что значит мыслить?») считали, что, конечно же, направлять должен сам мыслящий, индивид, личность. На что он при этом должен опираться? На разум и новую логику, отвечает Бэкон. Ответ явно проблематичный, поскольку к разуму еще нужно приобщиться, а новая логика... Откуда ее взять?¹ Щедровицкий выходит на другое решение. Мышление, говорит он, нужно исследовать точными методами. Вероятно, первое естественно-научное

¹ «Мы попадаем в то, что называется мышлением, когда мыслим сами. Чтобы нам это удалось, мы должны быть готовы учиться мыслить. Как только мы принимаем за это учение, мы сразу понимаем, что мыслить мы не можем. Но все же человек считается, и по праву, таким существом, которое может мыслить. Ибо человек – это существо разумное. Но разум, *ratio*, развертывается в мышлении. Будучи существом разумным, человек должен уметь мыслить, раз уж он хочет этого» [8, с. 134].

образование Щедровицкого, да и общий дух эпохи (речь идет о конце 50-х, начале 60-х гг.), предопределили его отношение к мышлению. Марксистская идея историзма сохраняется, но изучение мышления понимается в значительной мере как исследование по образцу естественной науки. Формулируются тезисы о том, что логика эмпирическая наука, а мышление – это процесс и мыслительная деятельность, которые подлежат моделированию и теоретическому описанию. Одновременно речь шла о логике. Обе эти установки вылились в идеи исторического анализа мышления, в требование рефлексии собственного мышления и логического контроля исследований, которые в этот период велись.

Обсуждая в программной статье «О различии понятий “формальной” и “содержательной” логики» план и продукты изучения мышления, Щедровицкий пишет: «Итоги этого этапа исследования: а) алфавит операций мышления, б) ряд относительно замкнутых однородных систем знаковой формы, объединяемых в формальные исчисления (что эквивалентно логическим правилам – В.Р.), в) знание о составе и принципах организации множества научных рассуждений (этот шаг представляет собой реализацию идеи построения логики науки – В.Р.). Все эти разнородные элементы должны быть теперь объединены и сведены в одну “историческую теорию” мышления как такового <...> разработанная в этом направлении “содержательная логика” сможет стать теоретическим основанием “логики науки”, позволит выработать новые высокоэффективные методы обучения и сделает возможным инженерное моделирование мышления» [9, с. 44, 49].

Под влиянием работ Л.С. Выготского, а также Ф. Соссюра мышление трактуется

Щедровицким и семиотически: он утверждает, что мышление представляет собой замещение объектов знаками и действиями со знаками, позволяющие раскрывать и создавать содержание мысли и решать задачи.

Вот как в одной из лекций Щедровицкий суммирует представления о мышлении, что можно считать изложением его *первой концепции мышления*.

«1. Мышление есть прежде всего определенная деятельность, именно деятельность по образованию или выработке знаний.

2. Ядро, сердцевину этой деятельности образует выделение определенных единиц содержания в общем “фоне” действительности и “движение” по этому содержанию. (Новая логика должна быть, следовательно, содержательной).

3. Структуры знаковой формы и “техника” оперирования с ними зависят от содержания и могут быть поняты только в связи с ним, т. е., в конечном счете в связи с “содержательной” частью мыслительной деятельности.

4. Мышление непрерывно развивается; изменение составляющих его средств происходит строго закономерно, т. е. определенные процессы мысли и знания могут появиться и появляются только после и на основе каких-то других процессов и знаний» [11, с. 184].

Почему же в середине 60-х годов Щедровицкий со товарищи (Б. Сазонов, В. Костеловский, А. Москаева, Н. Алексеев, И. Ладенко, В. Розин, О. Генисаретский) перешли к исследованию деятельности и построению уже не «теории мышления», чем они занимались в предыдущие годы, а «теории деятельности»? Здесь было несколько обстоятельств. Первое можно назвать *эпистемологическим*. Прежде все-

го, сказала неудача с попытками представить мышление как процесс. Но эта неудача одновременно обернулась важным приобретением, с одной стороны, в том плане, что стали понятны некоторые детерминанты мышления, а именно роль *средств, задач, процедур, объекта*, с другой – в том отношении, что проведенное исследование позволило сменить категорию (не процесс, а структура). К выдвиганию на первый план деятельности вел также анализ механизмов мышления и развития знаний.

Второе обстоятельство, существенно повлиявшее на смену представлений о реальности, можно назвать ситуационно-мировоззренческим. Дело в том, что участники ММК по отношению к себе и другим специалистам отстаивали активную марксистскую, нормативную позицию. На этом фоне происходит смена характера их деятельности. Практически прекратив исследование мышления, как оно было заявлено в первой программе, Щедровицкий осуществляет методологическую экспансию в духе Выготского в нескольких областях: языкознании, педагогике, науковедении, дизайне, психологии. Те, кому удалось видеть эту работу, вероятно, запомнили блестящие выступления и доклады Щедровицкого во второй половине 60-х и в 70-е годы. Как правило, его выступления были построены по следующему сценарию. Анализировалась познавательная ситуация в соответствующей дисциплине. Подвергались острой критике подходы и способы мыслительной работы, характерные для этой дисциплины, и утверждалось, что она находится в глубоком кризисе. Затем предлагалась новая картина дисциплины и намечалась программа ее перестройки и дальнейшего развития.

При этом всегда осуществлялся методологический поворот: от предметной по-

зиции Щедровицкий переходил к анализу мышления, деятельности, понятий, ситуаций и прочее. Например, от исследования психики, чем занимается психолог, к анализу того, как психолог мыслит и работает, какими понятиями пользуется, какие идеалы науки исповедует, какие задачи решает психологическая наука и что это такое и т. д. Щедровицкий не только заставлял своих слушателей обсуждать несвойственные им разнородные реалии (процедуры мышления, понятия, идеалы, ценности, ситуацию в дисциплине и прочее, назовем их «рефлексивными содержаниями»), но и предлагал новый синтез этих содержаний, новое их понимание. В процессе анализа ситуации в дисциплине и синтеза обсуждаемых рефлексивных содержаний происходила реализация указанных выше ценностей и установок – исторического и деятельностного подхода, идеи развития, естественно-научного идеала, социотехнического отношения к действительности и т. д. Иначе говоря, научный предмет заново задавался именно с опорой на эти ценности и установки.

Но почему, спрашивается, «дисциплинарии» (ученые, инженеры, специалисты народного хозяйства) должны были следовать за Щедровицким, вместо своих объектов изучения переключаться на незнакомые им реалии, принимать предлагаемый синтез? Понятно, что одного обаяния Георгия Петровича здесь было недостаточно. Необходимо было подкрепить осуществляемую экспансию указанием на саму реальность. Однако посмотрим, какие к ней предъявлялись требования. Во-первых, новая реальность должна была переключать сознание дисциплинария со своего предмета на рефлексии его мышления (работы). Во-вторых, нужно было, чтобы эта новая реаль-

ность позволяла реализовать перечисленные ценности и установки содержательно-генетической логики. В-третьих, переключала на разнородные рефлексивные содержания. В-четвертых, склоняла к новому пониманию и синтезу этих содержаний.

Если вспомнить, что мышление в содержательно-генетической логике уже было связано с деятельностью, что деятельность понималась, еще со времен Выготского и Рубинштейна одновременно и как изучаемая реальность, и как деятельность исследователя, и как практика, преобразующая реальность, что после Гегеля и Фихте деятельность получила эпистемологическое истолкование (в ней порождались феномены сознания, понятия, знания), то опознание (полагание) Щедровицким новой реальности как деятельности вряд ли может удивить. Постепенно деятельность стала пониматься как особая реальность, во-первых, позволяющая развивать предметное мышление (в науке, инженерии, проектировании); во-вторых, переносить знания, полученные при изучении одних типов мышления, на другие типы мышления.

В категориальном отношении деятельность можно охарактеризовать следующим образом. Это «предельная онтология», позволяющая участникам ММК реализовать свои ценности (марксистские, социотехнические, направляющие и нормативные в отношении мышления в разных науках и дисциплинах) и представить рефлексивные содержания как виды деятельности или их аспекты (составляющие, проекции и т. п.), полученные в познании. В предельную онтологию входит и логика, положения которой подсказывают, как работать с рефлексивными содержаниями, а также с их изображениями (схемами), чтобы не возникали противоречия и другие пробле-

мы. Конкретно в данном случае речь шла о системно-структурной логике и языке, соотнесенных при своем построении с принципами методологии. С помощью системно-структурного языка решались две основные задачи: *анализа* деятельности и рефлексивных содержаний и их *синтеза* (конфигурирования). В результате и деятельность получала системное истолкование (известный тезис Г. Щедровицкого о том, что «деятельность есть система»). В этом смысле можно говорить о двух языках анализа и синтеза: *абстрактном* (в нем рассматриваемое явление характеризовалось с помощью системно-структурных категорий – система, структура, организованность, функции, процессы, связи, элементы и т. д.) и *предметном*, где использовались понятия теории деятельности. Абстрактный язык задавал мыслительные процедуры, а предметный позволял конкретизировать и переводить их в операции с объектами в конкретной дисциплине.

Уточню, что я понимаю под предельной онтологией. Предельная онтология должна задавать язык (языки) конструирования идеальных объектов. Указывать на решение вопроса об отношении естественного и искусственного (например, в гуманитарной науке это отношение другое, чем в естествознании: здесь, с одной стороны, исследователь привносит свои ценности в изучаемый объект, с другой – допускает активное воздействие последнего на себя; известные идеи М. Бахтина *диалога и взаимодействия двух духов – познаваемого и познающего*). Наконец, предельная онтология задает структуру изучаемой в данной науке предметности (понятия механизма, деятельности, коммуникации, культуры, личности и другие).

Предельная онтология сложилась сначала в естественных науках. В гуманитарных и социальных науках попытки ее построе-

ния пока не удаются. Например, мы видели многочисленные попытки расширить понятие природы с тем, чтобы она выступила предельной онтологией для разных типов наук, а не только естественных². В социальных науках на эту функцию претендовали понятия взаимодействия и коммуникации. В гуманитарных – диалога и культуры. Но все эти предложения фактически не прижились как общезначимые. Спрашивается, почему? Не потому ли, что в указанных типах наук не были продуманы и решены проблемы выбора языка построения идеальных объектов, соотношения естественного и искусственного, сущности изучаемой предметности?

Переход к построению теории деятельности существенно повлиял и на понимание мышления. Источником знаний о мышлении участники Московского методологического кружка стали считать *не его изучение, а собственную мыслительную работу*. Об этом очень верно в книге, посвященной Щедровицкому, пишет Сазонов: «Принципиально новые возможности открылись по мере понимания, что развитие деятельности и мышления происходит не только и не столько посредством их логико-теоретического анализа на материале чужих передовых, прежде всего научных образцов, сколько в процессах и благодаря самой методологической работе. Центральное место в этих процессах заняли процедуры взаимной критики и проблематизации работы участников Кружка, взаимной

² Уже у Канта природа наделяется такими характеристиками, как целостность, органичность и аксиологичность: природе, по Канту, присуще систематическое единство и принцип блага. Расширенное и совершенно другое, чем в естествознании, понятие природы у Гете. В настоящее же время много разных расширенных представлений о природе, претендующих на роль предельной онтологии.

критической рефлексии взаимной работы» [6, с. 6].

По-новому понимаемое мышление теперь получает название «методологическое мышление», причем Щедровицкий считает методологию исходной и основной формой мышления, предшествующей даже научному мышлению [13, с. 151]. Объясняя в 1971 году на лекциях, что такое методология, Щедровицкий пишет: «Методология как раз и возникает потому, что мы обращаем внимание на сами возможности действия и начинаем их формировать <...> Утверждается, что *существует особое, методологическое мышление*, которое движется не только в картинах объектов и протекающих в них процессов, но одновременно и во втором пространстве – *пространстве самой деятельности, соотнося друг с другом эти пространства и устанавливая между ними особые отношения* [14, с. 58].

Меняется и профессиональное самознание участников ММК: несодержательная логика, а именно методология, призванная реформировать существующее мышление и интеллектуальные практики (науку, педагогику, инженерию и др.)³.

³ «Методология есть новая форма организации мышления и деятельности, стоящая над наукой и задающая “общую папку” для всех других видов мышления и деятельности... В науке есть схема объекта. И грамотные ученые (получившие школу) умеют работать по прототипам. Методология экстернизирует эту деятельность, выносит ее, описывает и фиксирует. А следовательно, для методолога его собственная методологическая деятельность и его мышление выступают еще как внеположенный объект. Он не задает объект и не задается объектом. Это – его собственная деятельность. И он может работать со своей собственной деятельностью как с конструктом: он там, на схеме что-то переменит, задаст новые направления, другие связи процессов, а после этого осуществит. Итак, методолог (в отличие от ученого) – это человек, который работает над собственной деятельностью и собственным мышлением, меняя их,

Щедровицкий показывает, что методологическое мышление разворачивается под влиянием ряда факторов: рефлексии, «испорченности» методолога (т. е. наличных его ценностей, способностей и представлений), коллективной методологической работы и коммуникации с другими, собственно деятельности конструктивного типа, в которой большую роль играют схемы и проекты, наконец, вызовов времени (и проблем), на которые методолог пытается ответить⁴. В совокупности эти представления и можно считать *второй концептуализацией мышления*.

В этом смысле, говоря раньше, что в результате построения «теории деятельности» Щедровицкий «потерял» мышление [4, с. 102, 106], я ошибался. Да, он долго сводил мышление к деятельности, но, конституируя и разворачивая методологическое мышление и одновременно рефлексивую его, по сути, строил новую концепцию мышления. Другое дело, что осознать до конца этот момент Щедровицкий не мог, поскольку считал: мышление существует независимо от мыслящего, индивид к нему присоединяется или нет⁵. И одновременно трансформируя, создавая новые формы – сначала в мысли, а потом в реализации. На мой взгляд, в этом суть дела» [2, с. 131, 184, 185].

⁴ См. подробнее: Розин В.М. [5, с. 175–266].

⁵ «В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть<...> Все наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*. И в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит» [12, с. 12].

Стоит обратить внимание на то, что «сестя на человека» мышление может лишь при определенных условиях, и Щедровицкий их четко фиксирует: это деятельностьная, в значительной степени марксистская концепция формирования

понимал, что это не так, что мышление создается мыслящим.

Колебание в трактовке мышления (оно порождается самим мыслящим в его творчестве и оно уже существует, его нужно познать) объясняется тем, что Г. Щедровицкий, с одной стороны, считал мышление своего рода природой, законы которой и нужно выявить в исследовании, отсюда его установка на построение теорий (теории знания, теории мышления, семиотики как науки и т. п.)⁶, с другой стороны, он преодолевает данное понимание, критикуя натуралистические ценности и подходы, характерные для традиционной философии. Интересно, что сходные противоречия в понимании можно увидеть в немецкой классической философии, начиная с Канта. С одной стороны, ее представители понимали, что философия создается с их участием, по сути, в их деятельности, с другой – Разум у Канта, Дух у Гегеля, интеллигенция у Шеллинга, сознание у Фихте

человека, предполагающая усвоение им средств, выработанных культурой и социумом. Считается, что человек, присвоивший себе в ходе образования часть социокультурных форм, именно своей активностью и деятельностью может продолжить их жизнь и даже создавать новые социокультурные формы. Тогда можно, например, понять двоякую трактовку Щедровицким рефлексии. С одной стороны, рефлексия – это рефлексия методолога, за счет творчества которого происходит развитие деятельности, с другой – это развитие самой деятельности, появление в ней новых форм кооперации и новых организованностей.

⁶ «Развитая таким образом методология будет включать в себя образцы всех форм, способов и стилей мышления – методические, конструктивно-технические, научные, организационно-управленческие, исторические и т. д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин – теории мышледеятельности, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знания, теории коммуникаций и взаимопонимания*» [13, с. 152, 153].

истолковываются как особая *интеллигибельная природа*, познание законов которой позволяет реформировать философию.

В этом ключе можно, например, понять двоякую трактовку Г.П. Щедровицким рефлексии. С одной стороны, рефлексия – это рефлексия методолога, за счет творчества которого происходит развитие деятельности, с другой – это развитие самой деятельности, появление в ней новых форм кооперации и новых организованностей. Обсуждая природу деятельности, Щедровицкий пишет: «На передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать». Но одновременно оказывается, что рефлексия – это не только осознание своей деятельности специалистом, сколько кооперация в деятельности и создание обеспечивающей ее организованности материала (практической, методической, инженерной, научной и прочее).

«Отношение рефлексивного поглощения, выступающее как статический эквивалент рефлексивного выхода, позволяет нам отказать от принципа “изолированного всеобщего индивида” и рассматривать рефлексивное отношение непосредственно как *вид кооперации между разными индивидами* и, соответственно, как *вид кооперации между разными деятельностями*. Теперь суть рефлексивного отношения уже не в том, что тот или иной индивид выходит “из себя” и “за себя”, а в том, что *развивается деятельность*, создавая все более сложные кооперативные структуры, основанные на принципе рефлексивного поглощения» [15, с. 276].

Натуралистическое понимание философского мышления преодолевается только в феноменологии, представители которой утверждают, что мыслит личность, причем

каждый раз сначала. Всякое сущностное мышление, – пишет М. Хайдеггер, – требует, чтобы мысль и положения каждый раз заново как металл выплавлялись из основонастроения. Если основонастроение отсутствует, то все есть лишь принужденный звон понятий и словесных оболочек <...> Мышления бытия как событие – это изначальное мышление, которое как размежевание с первым началом готовит начало другое <...> Событие: надежный свет осуществления бытия в самом крайнем горизонте внутренней нужды исторического человека» [7, с. 60–70].

«Мировоззрению» может быть противопоставленным лишь вопрошание и решимость к тому, что стоит вопрошания. Всякая попытка опосредования (*то есть использование методов, концептов, схем и прочих средств методологии*. – В.Р.) – с какой бы стороны она не предпринималась – ослабляет позиции и устраняет поле для возможности подлинной борьбы» [7, с. 81, 84]. «Способ рассмотрения этого вопроса (о смысле бытия. – В.Р.) является феноменологическим. Тем самым это исследование не предполагает ни определенной “точки зрения”, ни определенного “направления”, потому что феноменология не есть и не может стать ни тем, ни другим, пока она понимается правильно» [16, р. 27].

Но не являются ли сами эти размышления М. Хайдеггера методологией? Ну, да, методологией, озабоченной преодолением завалов, созданных мировоззрениями и «натуралистическими» концепциями, описывающими реальность как таковую. Методологией, ставящей своей целью удержать уникальность явления, очистить его от существующих односторонних точек зрения (опосредований и редукций), взять его, так сказать, неповрежденным. Но реалисти-

чен ли такой проект, не будет ли неповрежденный феномен кантовской «вещью для себя», которую мы можем помыслить, но ничего конкретного о ней сказать не в состоянии?

Колебания в методологии между двумя противоположными трактовками мышления или «сидение одновременно на двух стульях», как ни странно, отчасти сыграло положительную роль: поскольку деятельность и мышление рассматривались как природосообразные феномены, их конституирование методологами понималось одновременно как изучение этих явлений, а не произвольное изобретение методологов. На самом же деле, как верно отмечает Щедровицкий в другом месте, методологи сами создавали и продвигали мышление. Опирались они при этом на собственные ценности, а также рефлексии и обобщение опыта методологической работы, который складывается, начиная с работ Платона и Аристотеля. В результате в 60-х и 70-х годах формулируются принципы (главным образом Щедровицким), на основе которых должна строиться методологическая работа. Я изложу свою версию этих принципов.

Как уже отмечалось, Бэкон утверждал, что руководящей наукой является наука о мышлении. По сути, похожая установка лежит и в основании современной методологии. В качестве принципа эту установку можно сформулировать следующим образом. *Онтологическим основанием методологии выступает мышление*, относительно которого задается назначение и миссия методологии. Методология видит свое назначение (миссию), с одной стороны, в *перестройке и реформировании неудовлетворительных форм и способов мышления*, с другой – в *построении способов мышления, позволяющих решать прин-*

ципально новые проблемы и задачи, с третьей стороны – в *поддержании культуры мышления*, т. е. все, что работает и позволило решить сложные проблемы, должно быть осмыслено, сохранено и использовано.

Естественно, необходимо пояснить, что автор понимает под мышлением. Но это уже содержание следующей статьи.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М. Мысль, 1971. – 590 с.
2. На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. – М.: Изд-во Шк. культ. полит, 2004. – 196 с.
3. Розин В.М. Семiotические исследования. – М., 2001. – 256 с.
4. Розин В.М. Построение теории мышления – «синяя птица» Г.П. Щедровицкого // Георгий Петрович Щедровицкий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) 2010. Сер.: Философия России второй половины XX в.
5. Розин В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. – М.: Изд-во Института развития им. Г.П. Щедровицкого, 2001. – 496 с.
6. Сазонов Б.В. Понятия «проблема» и процессы проблематизации в ММК как ключевые для понимания методологического мышления // Георгий Петрович Щедровицкий. – М.: РОССПЭН, 2010. Сер.: Философия России второй половины XX в.
7. Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события / пер. Э. Сагетдинова // *δημιεία* (Герменей), 2009. – №1 (1). – С. 56–94.
8. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 134–145.
9. Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – 800 с.
10. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-

структурных исследований и разработок // Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995.

11. Шедровицкий Г.П. О методе исследования мышления. – М., 2006. – 353 с.

12. Шедровицкий Г.П. Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2.

13. Шедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейственного подходов // Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995.

14. Шедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 3. Методологический подход в языковедении. – М.: Восточная литература, 2005. – 463 с.

15. Шедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995.

16. Heidegger M. Sein und Zeit. – Tubingen, 1960.

EVOLUTION OF THE NATIONAL METHODOLOGICAL THOUGHTS

V.M. Rozin

Institute of Philosophy of the RAS,
Moscow

iph@iph.ras.ru

The article is about the evolution of Russian methodological thought. It deals with a philosophic school named the Moscow Methodological Circle. A transition is analysed, from studying thinking at the first stage to thinking design at the second one. The first stage was characterized by interpreting thinking from semiotic and historical points of view. At the second stage, the problem is posed to develop a theory of activities. The thinking process is interpreted herein as an activity called «the methodological thinking». The knowledge about thinking is not sourced from the research but from the methodologists' own creation process. Specific features of the methodological thinking and new methodological practice are researched. The methodological thinking is regarded as the utmost ontology. A problem is posed to improve ill-formed thinking practices. A number of principles underlying the methodological approach are worded: methodologists' creation process as the basis, control over the regularity the methodological thought, the link between methodology and philosophy, acquisition of intellectual technologies, differentiation of particular and general methodology. Several individual methodological schools are formed, together with revealing a crisis of the methodological thought. Approaches to its solution are discussed: new challenges for methodology, a need for different variations of the «utmost ontology», maintaining the culture of methodological thinking, better understanding the history of methodology.

Keywords: activities, creation process, culture, history, methodology, thinking.

References

1. Bakon F. *Sochinenija* [Works] v 2-h t. T. 1. Moscow: Mysl' [The Thought Publ.], 1971. 590 p. (in Russian)

2. *Na doskakh. Publichnye lekciï po filosofii G.P. Shhedrovickogo*. [On the board. Public lectures on philosophy G.P. Shchedrovitsky]. Moscow: ShKP [School of Cultural Policy Publ.], 2004. 196 s. (in Russian)

3. Rozin V.M. *Semioticheskie issledovanija* [Semiotic studies]. M., 2001. 256 p. (in Russian)

4. Rozin V.M. *Postroenie teorii myshlenija «sinjaja ptica» G.P. Shhedrovickogo* [Construction of theory of mind is “Blue Bird” of G.P. Shchedrovitsky] in: Georgij Petrovich Shhedrovickij [Georgy Shchedrovitsky]. Moscow: ROSSPEN: series Philosophy of Russia in the second half of the twentieth century, 2010. (in Russian)

5. Rozin V.M. *Nauchnye issledovanii i shemy v Moskovskom metodologicheskom kruzhke*. [Research and schemes in Moscow Methodological Circle]. Moscow: Institute of Development G.P. Shchedrovitsky Publ., 2001. 496 p. (in Russian)
6. Sazonov B.V. *Ponjatija «problema» i procesy problematizacii v MMK kak ključevye dlja ponimanija metodologičeskogo myshlenija* in: Georgij Petrovich Shchedrovickij. Moscow: ROSSPEN: series Philosophy of Russia in the second half of the twentieth century, 2010. (in Russian)
7. Heidegger M. *Vklady v delo filosofii. Ot sobytija* [Contribution to philosophy. From the event.]. *Ερμηνεία* N 1 (1) 2009, pp. 56–94 (in Russian)
8. Heidegger M. *Čto značit myslit?* [What does it mean to think?] In: *Razgovor na proseločnoj doroge* [Conversation on a country road]. Moscow: Vysshaja shkola [High School Publ.], 1991, pp. 134–145. (in Russian)
9. Shchedrovickij G.P. *O različii ishodnyh ponjatij «formal'noj» i «soderžatel'noj» logič.* [On the difference between the initial concepts of «formal» and «substantive» logics] in: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ShKP [School of Cultural Policy Publ.], 1995. 800 p. (in Russian)
10. Shchedrovickij G.P. *Principy i obščaja shema metodologičeskoj organizacii sistemo-strukturnyh issledovanij i razrabotok* [Principles and general scheme of the methodological organization of the system-structural researches and working-out]. in: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ShKP [School of Cultural Policy Publ.] (in Russian)
11. Shchedrovickij G.P. *O metode issledovanija myshlenija* [On a method of the study of thinking]. Moscow, 2006. 353 p. (in Russian)
12. Shchedrovickij G.P. *Sladkaja diktatura mysli* [Sweet thoughts dictatorship]. *Voprosy metodologii*. N 1-2, 1994. (in Russian)
13. Shchedrovickij G.P. *Metodologičeskij smysl oppozicii naturalističeskogo i sistemodejatel'nostnogo podhodov* [The methodological implications of the opposition of the naturalistic and the system-activity approaches]. in: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ShKP [School of Cultural Policy Publ.] (in Russian)
14. Shchedrovickij G. *Znak i dejatel'nost'*. Kniga 3. *Metodologičeskij podhod v jazykovedenii* [Sign and activities. Book 3. Methodological approach in linguistics]. Moscow: Vostochnaja literature [Eastern Literature], 2005. 463 p. (in Russian)
15. Shchedrovickij G.P. *Isходnye predstavlenija i kategorial'nye sredstva teorii dejatel'nosti* [Initial presentation and categorical funds activity theory]. in: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ShKP [School of Cultural Policy Publ.] (in Russia)
16. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1960.